

Н.В. Чурмаева приводит интересные примеры употребления в древнерусских памятниках письменности наречий «ноне» и «ныне». Наречия «**нынѣ**» (в значении 'теперь, в настоящее время') отмечено в Синайском патерике XI в. С XIV в. формы этого наречия «**нынѣчю**» довольно часто, по наблюдениям автора статьи, использовались в народной разговорной речи. Новые формы от основы «**нонѣ**» («**нѣнѣ**») встречаются в Лаврентьевской летописи, начиная с записей XI в. Но все-таки основной письменной формой была форма «**нынѣ**». С XIV в., как утверждает Н.В. Чурмаева, более типичной для текстов книжного характера стала форма «**нонѣ**».

Формы на «-ча», «-че» образовались от обеих основ и на протяжении многих веков закреплялись как в письменных памятниках, так и в бытовых текстах. Не случайно, что эти формы (*нынеча* и *нонеча*) наличествуют сейчас почти в каждом русском говоре.

В современном разговорном языке также широко распространена форма «нынче», которая, по мнению того же исследователя, известна с XIV в. Возникновение этой формы обусловлено ослаблением первого ударного гласного.

Таким образом, обе производные основы («**нонѣ**» и «**нынѣ**») популярны с давних времен и продолжают активно использоваться в современных народных говорах

Изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что диалектные микросхемы, обозначающие временную координацию, характеризуются множественностью средств выражения одного понятия и наличием вариантов всех видов.

Среди основных причин диалектного варьирования необходимо также отметить устную форму бытования говора, влияние норм литературного языка, взаимовлияние говоров и тенденцию говорящих к детализированию наименований явлений действительности.

И.Б. Хоменко

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ «ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ» НА ОСНОВЕ ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК

Значение соответствия / несоответствия тому, что установлено социумом как норма, находит свое проявление в параметрических характеристиках.

Количественные параметры «выходят далеко за рамки количественно-градационной интерпретации происходящего и имеют большую практическую значимость, играют особо важную роль в категоризации и концептуализации знаний о мире и раскрывают важнейшие интеллектуальные механизмы восприятия и фокусирования внимания, а также

оперирования данными экспериенциального опыта»¹. Количественные показатели, по наблюдениям исследователей, являются самыми наглядными, самыми доказательными, они подчеркивают объективность взгляда, поскольку, как отмечал Б.И. Ярхо, «число является самой объективной категорией мышления и математическое доказательство обладает наибольшей всеобщностью»². Это свойство количественных показателей обуславливает стремление выразить качество через количество, осуществить квантификацию впечатлений, взвешивание.

Количество, таким образом, самое рациональное в познании мира понятие (*мера всякому делу вера, когда смерил, так и поверил*). Идея количества «чрезвычайно важна для человека и общества: она многогранна, продуктивна и неразрывно связана со всеми сторонами жизни, познания, мышления и языка»³. Идея количества придает объективность операции сравнения, она важна также и в своем взаимодействии со смежными явлениями, так как «количество – это не только счет, измерение, вычисление и т. п., но и множество сопряженных с ними качественных, познавательных, мыслительных, теоретических и практических операций, имеющих аксиологический смысл: сокращение, компрессия, выделение, фокусирование, расширение, спецификация, обобщение, ранжирование, выражение отношения, интерпретация и др. <...> Количество – это всегда и обязательно в некотором роде качество, а качество – это всегда и обязательно в некотором роде количество»⁴.

Любые параметрические характеристики связаны с представлением о норме: все, что градуируется, имеет свою норму. Так, приписывание объекту признака *большой* означает, что данный объект «больше нормы», установленной для этого класса объектов⁵. В связи с этим количественная характеристика становится одновременно и качественной. Количественная или структурная необычность не может не войти в поле зрения, подвергнуться анализу и оценке. При этом сам по себе элемент может быть обычен, а следовательно, чаще всего – безразличен.

Количественные характеристики, включенные в понятие нормы, находят свое отражение в примерах типа: *Он был Лариного десятка – прямой, гордый и неразговорчивый* (Пастернак. Доктор Живаго), где содержится не просто указание на схожесть с конкретным человеком, а заявляется о включенности в некое множество, объединяющее значительное количество людей.

¹ Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М., 2005. С. 133.

² Цит. по: Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики. М., 2001. С. 457.

³ Рябцева Н.К. Указ. соч. С. 522.

⁴ Там же. С. 536.

⁵ Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974. С. 74.

Количество соотносится с мерой: должно быть столько, сколько нужно. Соответствие норме манифестируется такими лексическими показателями, как *знать меру, чувство меры, в меру*, и наоборот, анти-норма передается сочетаниями *сверх меры, без меры*. Слово «мера» в данных употреблениях имеет значение предела, границы и отсылает к своему прямому значению: единица измерения, то есть к количественным параметрам.

Категория количества связана с такими семантическими категориями, как предельность, интенсивность, неопределенность, баланс и центральность. Так, значение предельности отчетливо проявляется в количественном показателе *крайне*. Сочетание *на грани дозволенного* эксплицирует состояние балансирования между нормой и антинормой, попытку удержать равновесие. Равновесие же, в первую очередь, сопряжено с количественной характеристикой. Одна из сторон может «перевесить» в силу того, что она более весома (как в прямом, так и в переносном смысле). Норму, понимаемую как равновесие, легко нарушить (*хрупкое равновесие*).

Если норма предполагает определенное соответствие, сбалансированность, то антинорма определяется как нарушение равновесия, перекос, превышение чего-либо, несоответствие ожидаемому уровню: *...пространнейшее отсутствие пыли. Экий перекос: есть пылесос, нет пыли...* (Аксенов. Всегда в продаже).

Интенсивность – это параметрический компонент, организованный понятием нормы. В результате наращивания интенсивности может происходить отклонение от нормы. В качестве показателей данного процесса выступают интенсификаторы оценки *слишком, чересчур, очень, крайне, весьма*, которые имеют четкую ориентацию на норму. При этом они «всегда соотносят обозначения с размытой шкалой»¹. В результате создается количественная неопределенность: *Но все-таки то, что рассказывал администратор про него, даже и для Степы было чересчур. Да, чересчур. Даже очень чересчур...* (Булгаков. Мастер и Маргарита). Лексема *чересчур* тоже возвращает нас к понятию предела, столь важному для понимания сущности нормы. *Чересчур* – ‘свыше меры, свыше какого-нибудь предела’ (ср.: *все хорошо в меру*). С точки зрения говорящего, данное количество представляется неожиданным, нежелательным или вообще ненормативным.

Таким образом, норма, с точки зрения количественных характеристик, – это точка равновесия, баланса, расположенная между полюсами, которые можно охарактеризовать «больше, чем положено», «меньше, чем положено». «Практический опыт <...> соотносит количество не столько с точной шкалой, сколько с жизненными ситуациями, и поэтому здесь оценка количества психологизируется, субъективируется и

¹ Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2006. С. 53.

превращается в аксиологизацию. <...> Психологически значимым является недостаточное или избыточное количество, меньше или больше нормы»¹. При этом отклонение от нормы в сторону увеличения даже положительного признака «язык может рассматривать как сдвиг в сторону “хуже”»², так как «в картине мира социума имеется некое постоянное усредненное представление о данном объекте с соответствующими количественными и / или качественными признаками»³. Имеются в виду сочетания типа *слишком заботливый, чересчур правильный* и под.

Необходимо подчеркнуть, что при количественной характеристике для экспликации антинормы более характерно указание на превышение нормы по какому-либо параметру (*Все, что слишком, - плохо. А я слишком баловала Кита, испытывала перед ним слишком сильное чувство вины, слишком рьяно бросалась ему на помощь, слишком верила ему...* (Донцова. Небо в рублях), уменьшение признака гораздо реже оценивается как антинорма. Тенденция к проявлению каких-либо качеств в большей мере, чем признано нормальным, имплицитно передает такой отмеченный нами признак антинормы, как ее опасность: превосходящий по параметрическим характеристикам объект воспринимается как более сильный, а следовательно, представляющий опасность для слабого. Кроме того, сдвиг в сторону репрезентации значения избыточности можно объяснить, как нам представляется, тем, что недостаток, нехватку чего-либо можно гораздо легче устранить, а значит, привести в состояние нормы, чем избыточность.

Репрезентация антинормы как отклонение в сторону избытка или недостатка зависит от той позиции, которую занимает оценивающий явление субъект. Когда исходной точкой, в которой начинает разворачиваться высказывание, содержанием которого является фиксация отклонения от нормы, является норма, то, как правило, отклонение манифестируется через интенсификацию, значение избытка. Когда же отправной точкой высказывания является антинорма, то говорящий, стремясь сгладить ее проявление, руководствуясь стратегией вежливости, может приуменьшить ее проявления (например, *несколько странно, немного необычно* и т.п.). В данных случаях находит свое применение одна из основных особенностей оценочной модальности – «ее неприязненное отношение к категоричным, безапелляционным оценкам»⁴. Слова *несколько, немного* и подобные являются специальными средствами, которые направлены на то, чтобы «уменьшить категоричность оценки и сделать ее менее безусловной, предполагающей возможность других

¹ Рябцева Н.К. Указ. соч. С. 126, 127.

² Вольф Е.М. Указ. соч. С. 55.

³ Там же. С. 61.

⁴ Там же. С. 108.

мнений»¹. В результате создается «эффект уклончивых слов»², появляющихся под воздействием «принципа вежливости», который подразумевает необходимость смягчать мнения. Подобные характеристики объекта или явления, выходя, безусловно, за границы нормы, тем не менее не могут однозначно расцениваться как указания на включение их в зону антинормы. Таким образом, параметрические характеристики так же, как пространственные, не позволяют провести четкого противопоставления всех фактов действительности в дихотомии норма / антинорма, а обнаруживают наличие между данными областями промежуточной зоны, тяготеющей, однако, к зоне антинормы.

Для русской языковой картины мира вообще характерно любое превышение чего-либо рассматривать как отклонение от нормы. Интересно в этой связи привести наблюдения А. Зализняк, отметившей, что «в отличие от англ. *happy*, констатирующего, что состояние человека соответствует некоторой норме эмоционального благополучия, русское слово *счастлив* описывает состояние, безусловно отклоняющееся от нормы»³. (Ср., например, *хорошего понемногу*). То, что избыток чего-либо осознается как антинорма, свидетельствуют и многочисленные репрезентации типа: *сверхъестественный*, *чрезмерный* и т.п., в которых идея превышения нормы и нарушения нормального хода событий может сочетаться в пределах одного многозначного слова. Приставки *сверх-* и *через-*, помимо значения превышения какой-нибудь меры, предела, содержат в себе идею пространственного перемещения (*через-* – ‘выйти за пределы установленного’; *сверх-* – ‘нахождение не на своем месте’). Таким образом, идея превышения меры осложняется семантикой пространственной размещенности вне установленного порядком места. Эта совместимость значений особенно отчетливо присутствует в слове *чрезвычайный* (чрезвычайный – 1) исключительный, очень большой, превосходящий все; 2) специально для чего-нибудь назначенный, не предусмотренный обычным ходом дел⁴), анализ внутренней формы которого позволяет вскрыть значение ‘вышедший за рамки того, к чему привыкли’. Такое же наложение семантических признаков можно отметить и в приставке *пере-*: передаваемая ею идея передвижения совмещается со значением превышения обычной степени признака (ср., например, *перебор*). Идея меры, количества, таким образом, тесно связана с концептуализацией через пространственную отграниченность и структурированность. На эту связь указывают Дж. Лакофф и М. Джонсон, отмечая, что «отграничение некоторой территории и проведение границ

¹ Там же.

² Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980. С. 71.

³ Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 268.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд. М.: «Русский язык», 1986.

вокруг нее – это акт количественной оценки»¹. Таким образом, это совместно реализующиеся характеристики. Количественные параметры теснейшим образом переплетаются с пространственным членением мира, точнее с пределом, как одним из способов репрезентации пространства. На эту особенность указывает Н.К. Рябцева, отмечая, что параметры «максимум – минимум» подразумевают начало и конец, границы хаоса и порядка, рубеж и его достижение, переход, край, черту, грань, некий поворотный пункт. «Слова, обозначающие границы и предел, способны потому выражать идею интенсивности или максимальности: *крайне неудачно, предельно ясно, на грани провала, на краю пропасти, черта бедности, дойти до точки*»².

Норма, как уже было отмечено, незаметна. Ступение делает элемент заметным (*пересол хуже недосола*). Отсутствие тоже может быть способом выделения, оно становится значимым, если появление того или иного элемента ожидается, его присутствие подразумевается. В противном случае отсутствие незначимо, а значит, и не эксплицируется. Наши наблюдения показывают, что только характеристика умственных способностей человека с одинаковой степенью регулярности для объективации антинормы использует указания на отклонения от среднего уровня как в ту, так и в другую сторону. Избыток ума так же, как и его отсутствие (недостаток), считается отклонением от нормы: *К сожалению, не могу от тебя скрыть, твоя возлюбленная со странностями. Распущена с детства и чудит. Или дурочка, или уж чересчур умна. Берегись!* (Гиппиус. Яблони цветут). Значение «меньше среднего уровня» применительно к умственным способностям человека репрезентируется такими словами и выражениями, как *умалишенный, глупый, дурак, шариков не хватает, не все дома* и под., указывающими на ограниченность умственных способностей. Таким образом, русским социумом «осуждается и отсутствие ума, и его излишек; (теоретическому) знанию предпочитается (практическое) умение, а уму – сообразительность... <...> несмотря на то, что глупость в принципе осуждается, на Руси всегда преобладало особое, как бы трепетное отношение к ее “носителю”, дураку <...> дурак – это не столько глупый и “неумный”, сколько не приспособленный к нормальной жизни человек, вызывающий своим поведением сочувствие»³. Глубокая разработанность в языке и фольклоре понятия *дурак* (синонимы, производные, фразеологизмы) показывает, что «оно занимает важное место в русской ментальности и культуре»⁴. Культурной нормой русского пространства А.А. Мельникова на-

¹ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. С. 55.

² Рябцева Н.К. Указ. соч. С. 128.

³ Там же. С. 174, 175.

⁴ Фархутдинова Ф.Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова... Иваново, 2000. С. 143.

зывает отрицательное отношение к разуму, что подтверждается тем, что одной из центральных фигур русских сказок является Иван-дурак¹.

Концепт *дурак*, как один из ключевых концептов русской культуры, не раз становился объектом исследования. Так, В.А. Маслова, анализируя фразеологический и паремиологический фонд русского языка, указывает, что с помощью слова *дурак* выделяют не столько определенную группу людей, обладающих рядом характерных признаков, сколько квалифицируют поведение любого человека в случае нарушения им различных социальных стереотипов. Дурак все делает не как все люди, вопреки здравому смыслу. Это делает его фигуру комической. «Суть дурака, – отмечает исследователь, – глубока: отказываясь от контролирующей деятельности разума, он получает возможность постижения высшей истины, которая открывается человеку сама». При этом умственные способности человека, называемого дураком, в русской культуре осознаются как нестандартные, нарушающие общепринятые бытовые представления. Главным свойством дурака признается его непохожесть на всех остальных людей. В.А. Маслова говорит о том, что дурак всегда – дите малое, и «идентификация того, кто назван дураком, с ребенком, остановившимся в развитии <...> определяет культурно-национальную интерпретацию этого образа»². Анализируя образ дурака в сказках, Е.Н. Трубецкой отмечает парадокс данного образа, который «коренится в противоположности между подлинной, т.е. магической, мудростью и житейским здравым смыслом <...> Образ “дурака” как бы вызов здравому смыслу»³.

Таким образом, параметрические характеристики, вскрывая избыток или недостаток определенных свойств, качеств по отношению к тому, что считается нормой, одновременно сигнализируют о выделенности объекта на общем фоне.

А.А. Дударева

ФУНКЦИИ КОРНЕВОГО ПОВТОРА В ОЧЕРКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ «МОЙ ПУШКИН»

На морфемном уровне организации художественного текста повтор представляет собой определенное тематическое сближение однокоренных слов в словосочетании, предложении, прозаической строфе, а также в более крупных, но структурно объединенных контекстах. Речь также может идти о круге образных ассоциаций, связанных с теми или

¹ Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб, 2003. С. 275.

² Маслова В.В. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2004. С. 179.

³ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 415.